

Григорий Григорьевич
Жуков

Диалектика сущности
материального движения

Философский ключ

12+

Григорий Григорьевич Жуков

Диалектика сущности

материального движения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30813977

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98480-6

Аннотация

Это философский ключ к раскрытию научных тайн. Прочитав все мои книги, Вы научитесь делать правильный выбор в сложных и важных жизненных ситуациях, научитесь правильно и удачно управлять, распоряжаться своей жизнью. Автор.

Содержание

1. Вместо пролога	6
Начало	7
«Никогда я не был скандалистом...»	8
«Люблю смотреть в зелёный ореол...»	9
«Эй, море синее, синее!»	10
О, эти милые глаза	11
Девушка милая!	13
Стэлла	16
Осенние сны	17
Осенние грозы	18
Елизавете	20
«Уж верю я давно...»	22
Поэту	23
В память о чашечке чёрного кофе	24
И боль, и сладкая истома...	27
Моим детям	29
Моя богиня	35
Мои глаза	37
Вернись	39
Ты и я	41
Лидии	44
Черная полоса	46
Память сердца	47

Молчание судьбы	49
«Я душой – почти ребёнок»	51
«Отчего ж так вёселы»	52
«Я Вами сильно болен...»	53
Мой путь	55
Татьяне	56
К (Я) А. В.	58
Моя судьба	59
Боль души	61
Меч	63
К 30 июня [Я (К). А. В.	65
О нашей судьбе	66
Напрасные призывы	70
Черная змея судьбы	72
«Синюю манит морская пучина»	74
«Прости меня великодушно...»	75
«Море Чёрное в печали...»	76
Осень и май	77
Голос каменной Венеры	78
Нежность	80
Из прошлого	82
Время и чувства	84
Пустыня без конца	87
«Ты – чья-то жена, и это ужасно...»	88
Сны	89
Забудь, но помни	91

Милой одесситке	92
Шарж – экспромт	94
Девочка и мальчик	95
Девчонка не смелая	97
Призрачно реальное виденье	98
Моя доля	100
Виктории	102
Желания	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Григорий Жуков

Диалектика сущности материального движения

1. Вместо пролога (Лирическое вступление)

*«И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...»*

М. Ю. Лермонтов

*«Вам ли, любящим баб да блюдо,
Жизнь отдавать в угоду?»*

В. В. Маяковский

*Я нёс тебе три розы,
Растущие из сердца три цветка.*

Начало

Сегодня пел мне ветер
О неповторимом на свете.
Шептал мне тополь безлистый
О счастье совсем уже близком.

Поверить легко так было
Им, знающим тайны сердец...
Но мечта бы меня не простила
За придуманный мною венец.

И не дал я смешному ветру
Слушать песню моей мечты.
И сказку, летящую в утро,
Тополь не слышал, не слышала ты...

«Никогда я не был скандалистом...»

Никогда я не был скандалистом.

Никогда не пел я о любви.

Хоть гулял я в поле чистом

Заруку с девчонкой до зари.

А теперь и сам не знаю,

Как сказать моей мечте,

Что всё счастье растеряю,

Если песней не ответит мне.

Пусть она и не ответит —

Всё равно позову её в дали,

Где солнце весеннее светит!

Где боги красы такой не видали.

Увлеку её в шумные рощи,

Приведу в бесконечный простор!..

Где месяц гуляет тощий,

Где счастья пылает костёр!

«Люблю смотреть в зелёный ореол...»

Люблю смотреть в зелёный ореол,
Теряющийся в пурпуре закатном.
Такой увидишь только летом
Средь облаков, парящих, как орёл.

«Эй, море синее, синее!»

Эй, море синее, синее!

Люблю тебя так сильно!

Как девичьи ласковы глаза,

Зовёшь меня, как буревестника гроза.

О, эти милые глаза

Мне Рига подарила
Очей лучистых теплоту
И в сердце радость поселила,
И окрылила юную мечту.

Крылатый ангел озорной!
Зачем ты мечешь стрелы?
Ужель смеёшься надо мной,
Иль хочешь сделать смелым?

И потому желанным ядом
Дразнишь ты сердце средь зимы.
И распускаешь маки рядом
С дурманным запахом весны.

О, эти милые глаза... -
Я видел в них улыбку сердца —
Они явились, как гроза
На вдохновенья ждущего певца.
И если б видеть мог
Хотя бы в год однажды
Средь роз, растущих у дорог,
Улыбку эту без «одежды»,

Я знойный юг бы променял
На Ригу с северной прохладой. —
Двух солнц лучами б мне сиял
Улыбки пламень той отрадной.

Девушка милая!

Что тебе снится сейчас
В застывшем белом феврале,
Когда огонь почти погас
В синеющем небесном камеле?

Тёплое море
В лёгкой пене прибоя,
Который с нежностью ласкал
В часы полуденного зноя
Бронзу ног твоих у скал.

И чаек полёт
С тоскливым резким криком.
И твой «Голландец» среди них
Парусом спорящий с ветром,
Послушный рук велению твоих.

А может... просторное поле
В прохладной васильковой синеве,
С хороводами тёплых ромашек,
С победной песней в вышине,
И вдали – кто-то рукой тебе помашет.

И голова слегка кружится
От медового дурмана разнотравья,
От музыки волшебной с высоты.
И вдруг – при крике журавля —
Душою землю слышишь ты.

Или под стук колёс
Лукавый продолжаешь спор
О маленькой пустой табличке?
Ужели помнишь до сих пор
Слова, подобные синичке?

А я боялся вверить журавля
В отроческие тоненькие руки.
Боялся погубить тебя
Во днях томительной разлуки.

Тогда я полон был надежды
На силы юные свои.
Тогда я был небрежным,
Смотря на прелести твои.

И ничего я не узнал:
Кто ты и где искать?
Хотя и долго, очень ждал,
Чтоб наконец, тебя узнать.

Теперь, пройдя сквозь годы терпеливо,
Сомненье, радость и надежду – всё в памяти храня,
При встрече ты не блеснёшь очами горделиво,
А всё, узнав, простишь, улыбкой нежною маня.

Твой сон и бред мой наяву —
Ужели всё исчезнет, всё напрасно,
Как белый дым над речкой поутру?
Я жду. Придёт рассвет, и станет ясно.

Девушка милая!
О чём вспоминаешь во сне?
Вот скоро ты проснёшься...
В блаженной лёгкой неге,
Чему же нежно улыбнёшься?

Стэлла

Ты пришла, как белая роза,
С пряным запахом волос.
О, как ласков твой голос!
Как теплы и бездонны глаза...

Пришла – и чуть-чуть улыбнулась,
Дотронулась нежной рукой,
К груди прикоснулась щекой —
И снова всё там всколыхнулось.

Осенние сны

«Каждый вечер в восемь
На месте первой встречи» -
Сквозь сон шуршит мне осень
И задувает призрачные свечи.

Осенние грозы

Опять, как прежде,
Покоя нет в мятущейся душе.
Опять о грозовом дожде
Мечтаю, но осень уже...

Обнажённые руки деревьев
Осенница дождями крапит.
О том, как Зевс над ними гремел,
Листва опавшая память хранит.

Хотел бы вечно слушать,
О чём пред бурей лес молчит,
Как тайно может он шуршать,
Когда весенний ливень его мочит.

Влюблён давно безумно
В неожиданный ливень с громом —
Под тучами становится темно,
И птичий затихает гомон.

И вдруг за розгой молнии
Летят раскаты громовые.
Не жду я звуковой гармонии,

А жду удары новые и новые.

Лицо и руки подставляю

Навстречу звонким каплям.

И почему-то, улыбаясь, представляю,

Что улыбаюсь я друзьям.

Эх, тучки чёрные!

Вы быстро поредели...

Эх, речки горные!

Вы быстро обмелели...

Елизавете

Чистота голубая, лазурь,
Бездонное небо в глазах.
Как сберечь мне от бурь
Нежный трепет на алых губах?

Никакое море не приснится,
Никакая бирюза,
Если, приподняв ресницы,
Ты согласишься мне в глаза.

Родником тепла и нежности
Явился взор твой милый мне.
И пламень голубой безбрежности
Теперь живет в моей мечте.

Чистота голубая, лазурь
И бездонное небо в очах,
Как алые розы средь бурь
Победили вы в сердце печаль.

«Уж верю я давно...»

Уж верю я давно
В неповторимость капель счастья.
Но сердце всё равно
Ждёт повторенья сладострастья.

Зачем так безразличен я к судьбе
Своей бываю ежечасно?
Зачем тогда позволил я себе
Сомнения в простом и ясном?

Зачем я не сказал ни слова,
И лишь улыбкою ответил?
Зачем дана мне голова,
Коль зова сердца не приветил?

Поэту

Веками будет неизвестно,
Какая мысль тобой владела,
Как было сердцу тесно,
Когда бесстрастно жизнь глядела.

Глядела жизнь и та, и эта,
Как будто, так и нужно было
Смотреть в бессонные глаза поэта,
Где были радость, боль и сила.

Смотрел упрямо ты вперёд
Сквозь мразь и муки бытия
И верил – правда не умрёт,
Как обречённый крик: «Смутьян!».

И что же? Правда победила,
Хотя тебя давно уж нет.
Живёт диалектическая сила
В словах, чертящих в сердце след.

В память о чашечке чёрного кофе

Любовь уже ушла... ушла,
И не успев ещё начаться.
А коль она нам не нужна,
Не надо было и встречаться.

Зачем же эта грубая игра,
Зачем подала ты надежду?
Чтоб я не верил в мудрость утра
Иль больше презирал себя – невежду?

Я говорю про встречу глаз,
Про откровенное движение лица
И про слова, что не для нас,
Про твой подарок – награду для глупца.

И, если говорить по справедливости,
Законам божьим подчинясь,
Тебе не нужно моей милости
И без меня забудешь похоти власть.

Чего хотела – сама ты знаешь.
Пускай же тайна остаётся тайной.
Но если просто баловать дерзаешь,

То я прошу: не надо так со мной.

Ну, а что ж моё желанье?
Зачем понадобилась ты мне?
Что гонит рыбу к полынье? —
Закон всеильный на Земле.

Да, я хотел познать тебя всецело,
Как всякий праведный мужик.
И начинать бы надо с тела,
А не по старой памяти — с души.

Но я таков, с рожденья с этикетом.
Всё думал, как бы, не обидеть.
Теперь валяюсь брошенным скелетом,
И лишь тебя хотел бы видеть.

Но жизнь меня рождает снова
Для долга, памяти и чести.
В душе моей — пока ни слова,
И голова трезва, пока на месте.

Быть может, встречу и тебя,
Быть может, улыбнёшься снова,
Но теперь не скажешь, что любя.
Теперь и ложь для нас не нова.

Я снова верить буду,
Что женщина прекрасна на Земле.
Об этой мудрости я не забуду,
И чудо явится ко мне.

Она отдаст мне боль
И выстраданную му́ку;
Рассыплет предо мною жизни соль
И потихонечку простит разлуку.

Одарит нежностью и лаской,
Какой не знал я никогда.
С меня падет угрюмства маска,
И я расстанусь с нею навсегда.

Я выброшу замки и двери
Души томившейся моей,
И удивятся даже звери,
Услышав музыку, рождающуюся в ней!

И боль, и сладкая истома...

Сожги себя – не в холоде отрада.
Зажги свою недалнюю мечту,
И тёплый свет её – твоя награда —
К груди томящейся коснётся и к плечу.

Горит душа, душа в огне.
И сердцу больно, очень больно.
Отдай хотя бы каплю мне,
И станет легче, станет вольно.

Когда утихнет мыслей жар,
Падёт на сердце сладкая истома.
И будешь тихо счастья ждать,
Что бродит там... вдали от дома.

Не бойся быть обманутой:
Ведь счастье всё в тебе.
Пусть будет сердце вынуто
Наперекор обманчивой судьбе.

Всё ж тайна есть и будет
В том празднике не тела, а души,
Возникшем в сонме серых буден,

Как море среди бескрайней суши.

Моим детям

Вы в жизнь, как все, пришли
Со словом нежным – мама.
Порою взрослых тешили,
А нежности вы знали мало.

Живя и видя вашу маму,
Беря её заботы и тепло,
Вы замечали редко сами,
Как всё с ней просто и светло.

Самое святое на Земле —
Это только ваша мама,
И самое простое на Земле —
Это тоже ваша мама.

Когда вам больно очень
Или просто в тяжёлом бреду,
Когда для терпенья нет мóчи,
Отгоняя кошмар иль беду,

Пересохшие губы упрямо
Шепчут, кричат или просят:
Мама... Мама! Мама?...

И образ её – мысли и боль уносит.

И боль, и бред смертельный,
Как чёрт от ладана бегут,
И затихает свист метельный
От силы тайной, коснувшейся губ.

Мама ... Мама... вот, рядом она.
Но кто, кто она такая
И почему всегда одна,
И дума в ней живёт какая?

Да разве детям впору
Такой вопрос себе задать?
Мама есть, и нету спору,
Зачем за прошлое гадать.

Мама – всё, и быть не может
Без имени её ни торжества,
Ни праздника, – никто не сложит
С неё святого права божества.

О маме говорить не просто,
Как просто её звать.
Она всегда большого роста,
Её, как мир, при жизни не узнать.

Но позвольте мне не вдруг
Вам поведать про того
Чей пытливо-тайный дух
В вас живёт почти открыто.

Я рождён в суровом феврале
Под звёздным знаком Водолея.
Голодный год был на земле,
Но жизнь жила, мечту лелея.

Вся в ранах после боя
Страна вставала из разрухи.
Сквозь смерть прошедшим стоя
Казался хлебным вкус макухи.

Быть может не случайно
В Дербенте древнем я рождён.
Рабами, их тоскою и печалью
Он был когда-то навождён.

С волною Каспия седого
Я был младенцем обручён;
С волною ласковой, сеньмою,
Но на разлуку с нею обречён.

Я обречён моей судьбою
На жизнь в тяжёлой маске.
Я обречён самим собою
На жизнь без нежности и ласки.

Откуда ж дикий парадокс,
И почему такая странность?
Я задаю не вам, себе вопрос
И потому отвергну краткость.

Я жить хотел в природе:
Любил – зимой тоску полей,
Возиться ранним летом в огороде
И слушать песни старых тополей.

Манил меня таинством лес,
Простором чистым звало поле.
Всё было просто, без чудес.
Я был собой на воле.

Хоть долго детство длилось,
Хоть грусти не было тогда,
Хотя смешна была пытливость —
Всё мило, всё памятно всегда.

И от себя уйдя однажды,

Чтоб мир и жизнь понять,
К себе опять придёт не каждый,
Не каждый сможет «маску» снять.
Личина та иль маска
Не обязательна, как шуба на бобре.
Но чаще жизнь – не сказка,
И забывают люди о добре.

И потому так трудно жить.
Порою просто невозможно
Творить с душой, а не служить,
И отыскать простое в сложном.

Тому причиной писанный закон
И закон неписанной молвы.
Кто с ними капельку знаком,
Тот чаще обращается на «Вы».

Противоречья движут жизнь,
Она в борьбе их разрешает:
Кому на плахе голову сложить,
Кому любовью сердце разрушает.

А дни идут поспешной вереницей...
Всё в жизни у меня случайно.
И не поймешь, когда нарочно,

Когда нечаянно и отчего печально.

Увы, всё не во сне, всё очно.

Я в детстве знал отца – случайно.

И первая любовь пришла – случайно.

Живу порою, как овца – случайно.

И ваша мать меня нашла – случайно.

И лишь рождение своё

Я не могу назвать случайным:

Я выношен войной и муками её

И благодарен им, отчаянным.

Вы вспомните меня однажды,

Пытаясь жизни суть понять.

И быстротечных мыслей жажды

Вам никогда уж не унять.

ноябрь – 75

Моя богиня

(Монолог – фантазия)

Стоишь ты, как святая:
Златая цепь и крестик на груди.
Я подойду, условности сменяя,
И помолю глазами: не губи.

Не губи, что не удаётся,
Желанья тленные прости.
Не погуби, о чём мечталось,
Желанья крест свой обрести.

У ног твоих я весь
И вымолвить не смею слова.
Сияют нимб и божеская смесь, —
Знакомо всё и всё же ново.

Но что плохого в том. —
Скажи, моя богиня, —
Что ты расстанешься с крестом
И обретёшь земное имя?

Я назову тебя Наташкой,
А лучше – просто милой.

Утром принесу ромашки,
А в полдень – свежесть лилий.

Но вдруг земное надоест —
Что может быть с богами —
На этот случай средство есть:
Осыплю звёздными стихами.

Пока витаешь в облаках,
Идёшь по Млечному Пути
Земное высыхает на губах
И забываются земные смуты.

Порядок в звёздах наведя
И в околоземном эфире,
Опять нисходишь до меня
И до всего, что в этом мире.

Опять я пред тобою на коленях
Молю глазами: не губи.
Я выжму сок из ёлочных поленьев,
И янтарём он засияет на девичьей груди.

Мои глаза

Ты взор пытливый бросаешь на меня,
Как будто я с другой планеты,
Но так спокойно, лицом не изменясь;
Как будто интересно, а интереса нету.

Ну, подойди, не бойся, ближе.
Не можешь? Тогда осмелюсь я.
Я голову склоню к тебе пониже
И лишь глазами тихо засмеюсь я.

Я засмеюсь от радости, увидев дорогое.
Родному рад и счастлив видеть,
Что остаётся неизвестность «за порогом»,
Что не смогу тебя обидеть.

Смотри ж в глаза мои,
Смотри, коль хочешь знать,
Зачем мне прелести твои.
Смотри пока я не устану звать.

Смотри в минуты расставанья.
Когда беда моя хохочет.
Когда приду сквозь расстоянья.

Когда весна во мне клокочет.

В глазах моих — разлука.

В моих глазах — тоска,

А за ними — неожиданная мука

И печаль совсем близка.

У меня в глазах искрится солнце

И весны играет новь,

А за ними — к счастью светлое оконце,

И кого-то ждёт любовь.

В глазах моих — мятежность.

В моих глазах застыла боль,

А за ними — неразгаданная нежность

И мечтаний прежних соль.

И скорбь, и радость; и смех, и страх —

Всё, что может только быть!

Всё есть в моих глазах...

Но лишь одна сумеет всё открыть.

Смотри, любуйся, мучайся, живи!

Я счастлив буду, когда глаза мои

В тебе разбудят глас любви

Иль разметут сомнения твои.

Вернись

Ушёл любимый, уехал далеко.
Оставил, что имел и мог.
А я всё верю, верю глубоко,
Не нарастёт на сердце «мох».

Милый не сказал: «Прощай»,
Оставил всё, а сердце взял.
А я всё жду, чего не обещал,
Чтоб нежно за плечи обнял.

Порой хочу забыть навечно
Твой взгляд, целующие губы...
И горечь слов, слетающих беспечно,
Порой казалось, помнить буду...

Но как хочу, чтоб ты вернулся!
Чтоб грудь дышала вольно,
Чтоб мне глазами улыбнулся,
Чтоб не было душе так больно.

Вернись же, милый недотрога,
Верни глаза свои – отраду.
Пусть исчезнет черная тревога

Назло судьбе и маскараду.

Разлюбить тебя нет силы,
Как музыку, цветы и солнце.
Мой милый, гордый и красивый!
Верю я, ты постучишь в мое оконце.

Ты и я

Скажи мне, бывшая жена,
Чем сердце я твоё пленил,
Чем сильно так заражена
И чем тебя однажды удивил?

Скажи, мне верная жена,
Надолго ль хватит сил,
Чтоб жить «в фату наряженной»
И в сердце образ мой носить?

Тебе поверил я давно —
В далёкий зимний вечер, —
Что буду я желанным
И что любовь твоя навечно.

Но много лет минуло
Пока я истину познал.
Узнал, что ты не обманула
Из слов прямых и верных, как кинжал.

Да, какое чудо в том!
Чтоб только вовремя сказать.
Тогда ты — воин со щитом,

Тогда не надо на коленях ползать.

Но сожалений быть не может
На то, что кто-то не сказал.
Не потому ль так душу гложет?
И не за то ль себя терзал?

Но что же, Ольга, в чём причина
Твоей несбывшейся мечты?
А не напрасна ли кручина,
Когда ты любишь, любишь ты?!

У тебя всё есть.
Все «стены» сможешь ты сломать.
Зачем смешная месть
Тебе с великим званьем – мать?

Но разве в том отрада,
Чтоб слышать тленные слова?
Смотри в глаза – и будешь рада.
Прильни же к милому – и закружится голова.

И скажешь ты: «Была бы рада
Поверить вкрадчивым словам,
Но далеко глаза – моя отрада,
И я давно не верю снам».

Но крылья даст любовь.
Возможность я не отнимал.
И ты узнаешь вновь,
Как тесен мир, хотя не мал.

Лидии

Кто ты, пока не знаю;
Предполагать же не хочу.
И если в жизнь твою «влезая»,
Прости, я за спиной не хохочу.

Я мысль святую не ловлю,
Чтоб ей отдаться, подчиниться.
И не могу сказать тебе «люблю»,
Хотя успел уже влюбиться.

За детский лепет ты прости,
Прости навязчивость мою
Обычным словом «глупости»,
Хоть не на коленях я и не молю.

Сейчас ты для меня загадка,
Какой пока не видел я.
Ты как вино: дурманяща и сладка,
И незабвенна, как мелодия.

Лидия – имя звучное, простое.
Звучит и льётся: Лидия,
Как речка, с гор врываясь на простор,

Как жизни вечная мелодия.

И если странно это
Звучит в моих устах,
Поверь: не отзовётся поле эхом,
И соловей не запоёт в кустах.

Доверчиво присядь мне на колени,
Доверчиво прильни к моим устам;
И верь, что мчат тебя олени
К желанным памятным местам.

А я запомню ласковые губы
И нежность верную твою:
Как обещают ненастроенные трубы
Прекрасный дар – мелодию свою.

Что будет с нами – неизвестно,
И положиться глупо на судьбу.
Душа томится, сердцу тесно,
Но ты скажи мне слово, и я уйду.

Уйду, как прежде уходил,
Отдавшись призрачной судьбе.
Теперь на это хватит сил:
Смешаться в будничной толпе.

Черная полоса

Огромным полагаю счастьем -
Владеть красивым женским телом.
Но всякий раз, обдав меня ненастьем,
Всё чёрным пишет жизнь на белом.

Так прочь лети, безмозглая ворона!
И клюв прикрой, сырок не потеряй.
И ты, кому досталась «корона»,
«Мазут» в людские души не швыряй!

Вот только б мне добаться
До жгучей истины моей;
Я б не стал в «дерьмо» мараться,
А жил бы страстно с беспощадной волей.

Память сердца

Навряд ли кто поможет
К тебе дорогу мне найти.
А память сердца мысли множит...
И все к одной пытается свести.

Но если так случилось,
Что мне от мыслей не уйти,
Скажи: «То не звезда светилась
А призрачный огонь мерцал в пути.

И до звезды желанной так далёко
Тебе шагать сквозь неизвестность бытия.
Ты всё пройдёшь упрямо, одиноко.
А загорюсь звездою может быть и я.»

Тепло и доброта пролились невзначай
Сквозь взор твой нежный на меня.
И всякий раз, когда тебя встречал,
Кинжал по сердцу ударял, звеня.

Нет, кинжал не ты бросала.
Он уготовлен мной и для меня.
Нет, ты встреч со мною не искала,

Не улыбалась, очами ласково маня.

Я вновь придумал всё напрасно,
Мечты, желания по – прежнему храня.
Но верю, будет жизнь прекрасна,
Хоть отвернулася Фортуна от меня.

Молчание судьбы

Скажи, смуглянка, откровенно,
Зачем мы встретились в пути?
И если поняла́ меня мгновенно,
То почему нам вместе не пойти?

Тебя пусть не смущает
Мой странный оборот.
Судьба мне много обещает,
Но всё молчит за главный поворот.

В твоих руках возможность:
Не дать исчезнуть мне в тоске,
Развеять мыслей сложность
И написать признание на песке.

О, сколько я томился,
Напрасно мысли теребя.
Но мир во мне не изменился:
Смотрю с надеждой на тебя.

Я рад случайным встречам,
Улыбкам томно – нежным,
Призывно – ласковым очам

И мечтам твоим безбрежным.

«Я душой – почти ребёнок»

Я душой – почти ребёнок,
Хотя вóлос уже сед.
Сколько я любил девчонок,
А теперь влюбляется сосед.

«Отчего ж так вёсёлы»

Отчего ж так вёсёлы
Твои глаза печальные?
Может на груди повесила
Талисман венчальный?

Или в гости приходил
Паренёк бедовый?
На прощанье подарил
Поцелуй медовый.

«Я Вами сильно болен...»

Я Вами сильно болен,
И боль не в силах перенести.
Я стал почти безволен,
Хотя и разум ещё есть.

Но вот улыбку мне приносит
Ваш лик надменный и простой.
Сомнения мои улыбка «кóсит»,
И боль не кажется святой.

И дни проходят, непременно,
Неся улыбки Вашей колдовство.
Ваш лик уж не надменный,
И каюсь я за мыслей баловство.

Как жаль, что встречи коротки,
Что осень дарит непогоду
И не подарит мне руки,
И не отнимет вдруг свободу.

Так что же делать мне?
В какое верить чудо,
Когда сквозь дождик на окне

Я вижу солнечное блюдо?

Я вижу сквозь туман,
Над морем медленно встающим,
Журавлей летящих караван,
Прощальной песнею зовущих.

И я прощаюсь, не спеша,
С мечтой своей навеки.
Была она прекрасна, хороша.
Унесли уж всё с собой лэлэки.
И журавли уж улетели до весны далёкой,
Унесли мечту мою, унесли высоко.

Мой путь

Впереди веков безбрежных
В отступившей синей мгле
Слышу голос томно-нежный,
Из-за гор поющий мне.

Песнь светла и безмятежна,
Будто вдаль зовущий ручеёк.
Я внимаю голос нежный,
Но путь к тебе далёк...

Ручеёк прозрачный светел.
И душа во мне светла.
Я вчера его приметил,
Где у скал растёт ветла.

Песнь летит, и мне понятно,
Что идти мне вдоль ручья
Средь просторов необъятных
До последнего закатного луча.

Татьяне

*Ужели милая Татьяна!?
Ужель опять она!?
Улыбка нежна, без изъяна...
Ужель и та другому отдана...*

Таня, Танечка, Танюша!
До чего ж ты хороша!
У тебя в алмазах уши
И вся в золоте душа!

И прекрасней всех на свете
Твой рубиновый роток,
Как в весеннем первоцветье
Дикой розы лепесток.

И манит мятежным цветом
Опалённых солнцем васильков
Тишиной наполненный при этом
Глаз волшебных твой альков.

Я отдал бы богу душу,
Заглянув на твой алтарь.
Только ты меня не слушай

И смотри спокойно вдаль.

Разорвётся вдруг на части
Средь полуночи душа.
Ну, какое здесь несчастье? —
Просто Таня хороша...

Иль может осень запоздалая
Смутила листьями багряными,
Иль снова юность разудала
Кольцом вернулася, как пьяная?

Такая нелепая штука —
Обидеть стихами тебя.
И столь же не нужная му́ка
Зачем-то вселилась в меня.

Живи спокойно, Таня,
Верность милому храня.
Никакая песня не заманит
Забуть любви своей огня.

К (Я) А. В.

Благодать ты слегка приперчённая
И желанная мною всегда,
И в кадушке с рассолом мочёная —
Не забыть мне тебя никогда.

Моя судьба

Моя судьба – быть продолжением отца
Не только в чёрточках лица.
Душой гореть и стынуть мозгом,
И сделать невозможное возможным.

И ласку, нежность матери моей
В её внучатах перемножить.
И, как поёт полночный соловей,
Стихами души их тревожить.

Моя судьба – познать науки и законы
И жизни мудрой рогатины, препоны.
Металлов свойства обуздать,
И непокорность их в музеи сдать.

Моя судьба – судьбы покорности не ждать
И от неё подарочков не брать.
За всё, за всё при жизни хитрой этой
Не ахнув сгоряча, платить большой монетой.

И охлаждать в погоне мысли,
И холод презирать житейских истин.
Нагое сердце молча подставлять

Под револьвер, так жаждущий стрелять.

Моя судьба – в бреду на клочья разорваться,
Чтобы в поту холодном в живое собираться.
Себя от истин всех отречь,
Чтоб никогда уж не коснуться милых плеч.

Полжизни... каплями... в песок,
В подарок всем обиженным.
И вот... в пустыне... Милый голосок...
Когда ж саму я милую увижу?

Боль души

Ты – не пряник тульский
И не тёртый ты калач.
Ты – и дождик мой июльский,
И боль души, хоть плачь.

И багрянец ты кленовый,
И крик прощальный журавля.
Ты и мир, открытый снова,
И жар души средь февраля.

Ты – и капля вмиг наполненной душе,
Океан желаний нежных,
И сомнения, ушедшие уже,
И тюльпан судьбы мятежной.

Ты – роса на травах сочных
И ручей, бегущий от ключа,
Самородок мой в краях песочных
И в кошмарном сне – горящая свеча.

Анна, ты моя отрада!
Не боюсь я тленных слов, -
Пусть не будешь ты мне рада,

Всё ж молю: вернись, любовь...

Меч

О, Демон любви,
О, Призрак бездушный!
Ты меня не зови,
Я уже не заблудший.

Был я молод.
Тебе я поверил.
Любовный солод
В меня ты вперил.

Где же ты, небо?!
О, солнце, воспрянь!
Язвительный Демон
Простёр свою длань.

Сердце другое
В куски разорвал.
Самое дорогое
В жестокий я бросил вал.

Земное счастье
На призрак сменял.
Декабрём в ненастье

Я сердце вмял.

В забвенье дремучем

Зажёг я свечу.

Тоскою замучен

Так жить не хочу!

Рванулся к мечу

И его изрубил я сплеча.

И в бездну лечу,

Где потухла свеча.

Но утро вернулось...

Мой ангел понёс,

Что со мной не сбылось,

За тысячи вёрст.

О, Демон любви,

О, Призрак бездушный!

Я тебя изрубил,

Навек ты уснувший.

К 30 июня [Я (К). А. В.]

Слышу я в имени вечном твоём —
Про счастье безбрежное радость поёт.
Благодагию нежной тебя обрекли —
Именем славным впопад нарекли.

Милая нежность, тебя не забыть;
Пора уж до берега милого плыть.
Милая Анна, сердце златое,
Сердцем я слышу желанье немое.

Души пробужденье твой образ дарит.
Надеждою счастья сердце горит.
Минуты блаженства – душе не урок;
Ей жизни не хватит как счастья зарок.

Открой же мне тайны, златая душа, -
Тобой любоваться хочу чуть дыша.
Прими же, родная, одной говорю,
Всю жизнь без остатка – на счастье дарю!

О нашей судьбе

Поёт военная труба.
Ужас наводят снаряды.
Ещё не моя судьба
На жизнь получает наряды.

Но в 41-м жестокий пролог
Длиною в 6 лет начинался.
С отцом ушёл он за порог,
В избе он с матерью остался.

Какие мысли, какие муки
Прообраз мой лепили?
Мечты, какие в дни разлуки
Отец и мать мои хранили?

А рядом, где-то на Земле
Шагал пролог другой судьбы
В таком же ужасе и зле,
Своей ещё не ведая избы.

Лились и кровь, и слёзы.
И чёрту было тошно.
И всё ж, какие жили грёзы?

Светила же луна в окошко?

Пролог судьбы твоей и нашей
Был ожиданием в слёзах матерей
И думами с солдатской кашей
В домах без окон и дверей.

И вот почти сошлись
Прологи судеб наших.
Меж ними горы поднялись,
Раскинулись просторы пашен.

Волненья Каспия седого
И своенравный бег Кубани
Влились и в нас немного —
Младенцами коснулись их губами.

Прологам вторя, старшим,
Ходить учились по Земле.
Сближались судьбы наши,
Но сны другие снились мне.

Пришёл знакомства час
Мне с милым городом твоим.
Потом он познакомил нас,
И милым стал уже двоим.

И наша дружба, и юность —
Всё в миг сошлось, в одно начало.
Я видел, птица гамаюн
В окно моё тогда стучала.

Ушли давно в летá
Четыре юных года.
И ты на капельку не та,
И я слегка другого рода

Казалось, разлетелася судьба
По свету на две части.
Звала тебя любви труба,
Другой дарил я счастье.

У музыканта духа не хватило
Допеть мелодию свою;
Казалось, мало пофартило
Другой. Хотелось быть в раю.

И жизни рвя на части,
И веря лишь одной себе,
Угодно ж было все напасти
На нас излить уклончивой судьбе.

Теперь экзамен новый
Она опять ведёт лукаво;
И барьер пятитысячеверстовый
С сомнениями твоими «навтыкала».

В другую жизнь зовёт
Судьба, стремится слиться.
Какое ж сердце не поймёт,
Что глупо ей не подчиниться?

Да, жизнь сложна, лукава.
Но отчего судьбы не верить зову?
Не в нас лежит ли право
Дать бой вчерашнему позору?

Напрасные призывы

Вам всё давно уже знакомо:
И боль обид, и тяжесть расставаний,
И членство брренное в месткоме,
И безысходность дальних расстояний.

Вам всё давно уже не ново:
И серость глинистой пустыни,
И вкрадчивость обманчивого слова,
И чувства, что к Вам с годами не остыли.

Вам всё начать бы снова,
Да жизнь зовёт вперёд.
Вам будет прок от слова,
Когда поэт во мне умрёт.

И всё начать сначала
Вам опыт тяжкий не даёт.
В покой и ритм Вас жизнь умчала,
А мой поэт к «безумию» зовёт.

Вам в руки чудо надо:
Вместе с небом журавля.
Но сердце Ваше будет радо,

Когда вернётесь в милые поля.

Вам надо встретиться с мечтой,
Вам жить бы с нею рядом,
Чтоб не грустить о жизни той,
Что Вас дразнит желанным ядом.

Чтоб жизнь весёлою была,
Чтоб Вам от истин не уйти,
Чтобы судьба по лощи плыла,
Её проверьте битвою в пути.

Чёрная змея судьбы

Ты всё познала без меня,
Ты всё простишь однажды.
Но вот клубится чёрная змея,
И отведёшь укус её одна ты.

Клубится рядом чёрная змея —
И знаешь ты, укус её смертельный.
Так заступись же за меня
В вечерний час молельный.

Уж виден глаз холодный блеск,
Холодный пот пронзает тело.
Уж полдень летний гонит в лес,
А я здесь со змеей затеял дело.

Вода живая не поможет
Укус змеи той излечить.
Он сердце ядом сгложет,
Как новый день огонь свечи.

Твои мольбы не слышны в вечер.
Твои уста всё заняты другим.
Но всё ж ты веришь нашей встрече,

Своей судьбе, как парусам тугим.

Змеиный рок я должен упредить —
Себя укусит пусть змея.

Лишь жаждой жизни убедить
Смогу я всех, доселе помнящих меня.

Уж скоро день грядущий
Разверзнет мглу невидимых оков.
И я, тебе признание несущий,
Восстану юношей без слов.

Паду я ниц упрямой головою,
Твои чтоб ноги целовать.
И пусть с тех пор с мечтою голубою
Судьба, как прежде, не смеет ба́ловать

«Синью манит морская пучина»

Синью манит морская пучина

Всё позабыть по многим причинам.

На время сокрыться бы в синюю глубь;

Для жизни лукавой пока что я глуп.

«Прости меня великодушно...»

Прости меня великодушно,
Что я тебя смущаю иногда.
Но сердце стало непослушно:
Ты в нём осталась навсегда

«Море Чёрное в печали...»

Море Чёрное в печали,
Море Чёрное в тоске:
Тихо бьётся о причалы,
Оставляет слёзы на песке.

Ничего теперь не надо
Кроме пенистой волны.
Да и с сердцем нет уж слада
От грустящей в сумерках струны.

Осень и май

На дворе сегодня осень.
Как красу её ни обнимай,
Всё равно мечта меня уносит,
Всё равно зовёт грядущий май.

Всё вокруг – сплошная осень.
Всё манит багрянцем, золотом – приди;
И слезой печальной тоже просит...
Но с грозой май цветёт в груди!

Голос каменной Венеры

Восхищением прикован я к статуе Венеры,
Слова какие-то невнятно говорю;
Внимаю музыку, гармонию шедевра,
И, наполняясь чувствами, я медленно горю.

Горю желанием познать
Волшебной силы красоту,
Хотя бы мыслями догнать
В творенье скрытую мечту.

До боли напрягая нервы,
Я восхищенья шлю слова
До слуха каменной Венеры.
Но чудо! Её чуть наклонилась голова,

С лица забвенье утра улетело,
Скользя упала мантия из рук,
И, не спеша сокрыть всё тело,
Блаженной неги замыкает круг.

И молвит мне, качнувшись на мгновенье:
«Опять, мой почитатель беспокойный,
Зачем прогнал моё забвенье,

Не выбрал путь ко мне окольный?

Слова давно уж я не слышу,
Давно привыкла слушать думы.
Да, суждено в веках мне свыше
Красотой творения смущать умы».

И снова бессловесным чудом стала,
Забвеньем вглубь веков ушла.
Счастливый я стою у пьедестала —
Венера – камень ко мне слова нашла.

Нежность

Твоя нежность сквозь годы.

Её не затмили невзгоды.

Ласковость, нежность – и годы печаль.

Ожидание, муки и слово: «Встречай!»

Встреча без счастья – начало разлуки.

Встреча на миг – продолжение мýки.

Последняя нежность в касанье руки.

Гаснет скользя ощущение – и должен уйти.

Я ласками мог бы тебя одарить,

Светом надежды наш путь озарить.

Нежностью – солнцем твоею возвращённый,

Судьбою до нежности я возвращённый.

Но тучи нависли, закрыли собой

Надежду на нежность моей же судьбой.

Сердечную нежность в словах не отдашь.

Но будет же праздник когда – то и наш?!

Очень многое в жизни случается.

Даже нежность с тоскою встречается.

Проклинаю виденья старухи-тоски.

Розовой нежности храню лепестки.

Пусть лукавит, дразнит и смеётся;
Пусть слезами порою зальётся
И гордится, что не может и быть одинока;
Пусть мудрее она и Будды, и Пророка;

Пусть в сердцах она дольше живёт;
Пусть глазами не часто зовёт.
Ведь всегда вы одно – нежность и ты.
А я – строю для жизни мосты.

Несравненная нежность твоя.
Кротка и не смела ласка моя.
Но разве не сёстры по крови они?
И зачем бесконечны разлучные дни?

Мне и жизни не нужно без жизни твоей,
Хоть будет горька она тысячи дней.
Только бы жили в согласие они:
Нежность и ласка, – несчётные дни.

Из прошлого

Идущего на плаху пожалей,
Чтоб в миг последний себя он не жалел;
И нежностью в последний раз согрей,
Чтоб он с тоскою в небо не смотрел.

Иссохшего от ран и жажды пожалей,
Чтоб взор его до времени не стлел;
По каплям влагу в уста его налей,
Чтобы, очнувшись, он ласково смотрел.

Словам идущего на бой – поверь,
Чтобы в глазах он веру увидал;
И проводи в последний раз за дверь,
Чтобы в бою он встречу ждал.

В земные чувства явственно поверь,
Чтоб в них потом не сомневаться;
Открой им к счастью настежь дверь,
Чтобы потом душой не надрываться.

С собой в дорогу друга позови,
Чтоб было с кем тревогу, радость поделить.
И не считай при нём в ладонях мозоли,

Чтобы других не захотел он тем же удивить.

К заветным далям его без устали зови,

Чтоб сердце не состарилось в покое.

И никогда не жди к себе любви,

Чтобы любви твоей не оскудело поле.

Время и чувства

Проходят длинные минуты,
Летят мгновеньями недели.
Годами пальцы все загнуты,
А песню нашу мы ещё не спели.

Шумели выюги и свистели
Уж много зим подряд.
Кружась злобились метели,
Швыряли в нас забвенья яд.

А сколько чувств несли нам розы,
А как дразнили в поле васильки.
И нежностью пронзали милые берёзы,
И трепетом листвы нас волновали топольки.

Событий уйма пролетела, пронеслась,
«Одежду» лишнюю как вихрем сорвала.
Уж не одна струна оборвалась,
Но не печаль их звука в дорогу позвала.

Есть в жизни любой и каждой
Судьбы путеводительный маяк;
Он чувств и мыслей жажду

Ведёт, как судно опытный моряк.

Смешно ютиться в старенькой постройке,
Когда вокруг громады поднялись.
Смешно мечтать, лежа на койке,
Когда закатные зарницы занялись.

Но чувствам нет морального износа,
И нет прогресса ощущениям земным.
И ежели душа порой разноголоса,
То это только кажется иным.

Жизнь – не XX-го века экспресс,
И наши встречи в ней – не полустанки.
Мой зов – не мимолётный интерес,
И песнь моя – не музыка шарманки.

Не сердца отчаянным криком,
А песней окрепшей души
Со вдаль отходящим бригом
С собою зову, а ты уж реши.

Пусть на свадьбу с тобой опоздал, -
Не ищи упрёков, слов обиды.
Любви земной я очень долго ждал,
Да всё решилось кознями Изиды.

Не ищи же, милая, причины
Для сожженья наших уз
Кроме гибельной кручины
Под рыданья вечных муз.

Пустыня без конца

13 лет разлуки,
13 лет – пустые.
Ещё пол – года муки -
И я опять в «пустыне».

Осторожной девушкой была,
Смелой женщиною стала.
Вдаль уж юность уплыла,
И возврат её не ждала

«Ты – чья-то жена, и это ужасно...»

Ты – чья-то жена, и это ужасно.

Любила кого – то, да видно – напрасно.

Судьба подарила мне встречу с тобой,

И сердце познало сладчайшую боль.

Заполнила душу, а сердце мне вторит:

Победное имя твоё – Виктория.

Виктория, милая, стань мне родной,

Единственной самой, в мире одной!

Сны

Снится мне чудный сон -
Вновь в тебя я влюблён.
Стрелой лечу на коне,
А ты всё дальше, как во сне.

Снится печальный сон -
Навек с тобой я разлучён.
Иду я в крошечной тьме,
Не увидеть уж солнца мне.

Снится мне нежный сон -
Лаской твоею я опьянён.
Прислонился до нежной груди -
И всё позабыл я позади.

Снится тревожный сон -
Снегами мой путь занесён.
Сжалось сердце в груди, -
Ужель бесконечен снег впереди?

Снится весёлый мне сон -
В кладезе чистом твой лик отражён.
Упал на воду смеха звон.

Смеётся блик, но тает сон.

Забудь, но помни

Нигде, ни в ком твой образ не ищу. -
Образ твой всегда неповторим.
И имена твои во сне я не кричу. -
Твой дух принёс не шестикрылый Серафим.

Мне жаль с тобой не прожитых часов,
Мне жаль тебе не отданных минут,
Мне жаль души не высказанных слов,
Мне жаль тех дней, какие не придут.

Забыв однажды, не помни обо мне;
Забудь черты мои и голос,
Забудь, забудь мои мечтанья о весне
И помни лишь возвращённый мною колос.

И всё же в каждом женском лике
Ищу отрадные и милые черты.
Сиянье красоты как солнца блики
Мне говорит, что всюду ты.

Милой одесситке

*Ты скромна, застенчива, Людмила,
А в душе твоей живёт тревога.
Оттого ты сердцу так и мила,
Что легка с тобой дорога.*

Полюби меня, Людмила.
Только после не жалея,
Что напрасно ты любила
Под клоктанье журавлей.

Полюби меня, Людмила,
Только сердца не жалея.
Сердцу ты так мила
Вместе с песней журавлей.

Полюби меня, Людмила. —
Не жалея своих ты уст.
Я сорву цветок любимый
И лелеять буду куст.

Полюби меня, Людмила,
Прогони из сердца грусть.
Назову тебя я милой,

А другой забудет пусть.

Полюби меня, Людмила:
Не жалею я и не прошу.
Знаю, сердцем полюбила.
И тебя в груди ношу.

Полюби меня, Людмила,
И поверь моим словам -
Если сердцем полюбила,
Значит, счастье улыбнулось нам.

Полюби меня, Людмила.
Остальное есть у нас:
Время чтоб не разлучило,
Чтоб огонь любви не гас.

Шарж – экспромт

(Посвящается другу Юрке)

Последний волос с лысины упал,
И я с грустинкой закурил «Орал».
Сижу среди роз, цветущих в палисаде,
И вспоминаю песни милые Саади.

Девочка и мальчик

Я давно ничейный мальчик.
Полюбил я девочку одну.
Ей гляжу на безымянный пальчик
Да вздыхаю громко на луну.

А она гадает в ту же лунность,
Только жаль, что не при мне, —
Пролетит в мечтаньях юность
Иль началом будет перемен.

Я по-прежнему тот мальчик,
Что хранит извечную мечту:
Подарить колечко на 4-й пальчик,
Пригубив девичью теплоту.

Нелегко решить девчонке -
Вдруг сердечко вверилось в обман.
Пусть стучит оно и звонко,
Всё ж разгонит сладостный дурман.

Мне не жаль, что мальчик сед,
И не жаль девчонку пригубить.
Если тяжкий на мне след,

Неужели больше не любить.

Пусть другой забудет
Про алую рассветную зарю.
А я в зарю девчонке буду
Кричать: весь мир тебе дарю!

Девчонка не смелая

Зацвела вдруг акация белая,
Полетел с тополей белый пух.
Отгадай же, девчонка не смелая,
Кто заветный твой друг?

Ароматом полна вся Одесса.
То цветёт всё акация белая.
Для свиданий пора расчудесная,
Только ты всё такая ж не смелая.

Отцвела уж акация белая,
Размело ветерком белый пух.
О чём же мечтаешь, девчонка не смелая,
Если рядом заветный твой друг?

Призрачно реальное виденье

Уж мною проклят час,
Когда на свет я появился.
И пусть уж не тревожит Вас,
Что я беспомощно влюбился.

Для Вас спасенья не было и нет
В моей израненной душе.
Судьбы счастливой нужен Вам обет —
Меня же миновало всё уже.

Пустые хлопоты и вечные страдания.
Но те две капли счастья во пустыне
Затмили Вам мои слова признанья,
И Вами я забыт, забыт опять отныне.

Ещё одно тревожное томленье,
Ещё одна напрасная услада —
И снова призрачно реальное виденье,
И снова жизнь полна разлада.

А Вы – почти небесное создание,
Вы – ставшая моей мечтой,
Ужель и Вы – моё бессильное рыданье

Пред непокорной жизни высотой?

Моя доля

Предрассветное русское поле.
Посветлевшее небо над ним.
Чужой не завидуя доле,
Иду я за плугом своим.

Восток возрастает багрово.
И вдруг – восходящее солнце
Лучами пронзает и снова
Дáрит свет свой без конца.

Не долго же пурпур рассветный
Обнимается с солнцем восходным.
Но к миру призыв их заветный
Остаётся в сердцах обнажённых.

Я, в солнце рассветном купаясь,
Шагаю за плугом по полю,
И солнца теплом согреваясь,
У жизни беру свою долю.

Когда же дойдёт до зенита,
Обнявши всю землю, светило,
Проснувшись, не вспомнит элита,

Чего ей во сне не хватило.

Виктории

Цветок любви прекрасной,
Я ждал тебя и не напрасно.
И в ласках твоих, Виктория,
Уже утонул я, как в море.

С судьбой свею спорю я —
Стань моей, Виктория!
И сердцем неустанно вторю я:
Не прожить без тебя, Виктория.

Пришел с тобою к морю я,
И с волной кричу: Виктория;
И шепчу с волною я: Заря моя...
Ты рассветный час, любимая.

Твой взор я ловлю, хорошая.
Нет тоски у меня по прошлому.
Ты согрела лучами первыми,
Пробудила во мне чувства верные.

Не жалею же тепла беззаветного
И не бойся меня, безответного.
Иду я с мечтой неустанною,

Рвусь душою к тебе, желанная.

Желания

Хочу забыть всё в мире.
Хочу отречься от всего.
И, распахнув всю душу шире,
Хочу безумно плена твоего.

Хочу объятий, ласки, поцелуев,
Хочу пленённым быть тобою,
Хочу всегда, не только при луне,
Безбрежной упиваться явью и мечтою.

Хочу таинство кротости познать
И где блаженству вечному начало.
Жар сердца, трепет тела – всё отдать,
Чтоб жизнь весёлой песнею звучала.

Хочу, играя струнами души,
Будить в тебе я музыку любви.
А ты, родная, пой и весело пляши.
И в жизнь, как в танец огневой, зови.

Хочу, забыв про всё на свете,
Тепло души тебе отдать.
Хочу, чтоб южный милый ветер

Помог нам песни вечные слагать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.